

ДАЛЕКОЕ —
БЛИЗКОЕКонстантин
СЕРЕБРЯКОВ«ПРИХОДИТЕ
НА МОЙ КОНЦЕРТ...»

«Воскрешение из мертвых», статьи о Моцарте, Николае Метнере, рецензии почти на все крупные произведения Дмитрия Шостаковича. А вот «Пятьдесят писем Д. Д. Шостаковича» — работа, которой суждено было стать последней, предсмертной работой Мариэтты Шагинян, еще не известна читателю.

ПИСАТЬ сама она уже не могла. Почти совсем лишилась зрения, да и физически было тяжело — очень ослабела. Ежедневно к ней в больницу приходила Лена — внучка писательницы. Вслух читала и перечитывала письма Шостаковича, а затем фразу за фразой записывала, что ей диктовала Мариэтта Сергеевна.

Дмитрий Шостакович
— Мариэтта Шагинян:
письма, дневники, воспомина-
ния

Поначалу она хотела сделать краткие комментарии к письмам, но потом решила, что нужны подробные воспоминания.

Она ясно сознавала, что жить ей осталось мало, совсем мало. Надо успеть. И она спешила.

Однажды, придя в больницу, Лена, как всегда, стала делиться новостями.

— Прекрати! Все это ерундистика, — вдруг рассердилась Мариэтта Сергеевна, — не грать попусту время. Давай работать. На чем мы остановились? Нет, лучше читай все сначала.

Лена прочла.

Мариэтта Сергеевна приложила палец к губам, как она обычно делала, когда задумывалась, и сказала:

— Это плохо, это — не я. Порви все и выбрось. Начнем снова...

Она не разрешала себе никаких скидок на возраст, на тяжелый недуг, на непривычный для нее способ изложения мыслей — диктовку, к которой раньше не прибегала. Всегда писала сама. И не на машинке, а рукой. Простой ученической ручкой с обычным пером, «чувствуя ритмические очертания каждого слова, разнообразного множества их, уместности на бумаге, передачи своей мысли, напоенной чувством, как перо напоено чернилами...». Она говорила, что и рука умеет мыслить.

В другой раз Лена, прежде чем приступить к занятиям, налила сока в стакан и хотела напоить Мариэтту Сергеевну.

— Опять не о том хлопочешь. У меня времени в обрез. Как ты не понимаешь?

Внучка понимала. Но не хотела верить...

Работа продолжалась. Лена тщательно записывала, стараясь не пропустить ни единого слова, в особенности когда Мариэтта Сергеевна диктовала скорговорку.

«...Он пришел ко мне после первого исполнения своего Квинтета... Очень бледный, очень взволнованный и сказал: «Успех Квинтета потряс меня, после концерта я не сразу пошел домой. Я бродил по московским улицам, мне было как-то благодатно на душе. И следы этого благодатного состояния все еще теплятся во мне,

переживаются с острой радостью, даже — счастьем». Сколько помню, гениальные его руки всегда казались мне сухими на ощупь, но, когда он в тот вечер прощался, рука его была влажной».

В последний день работы Мариэтта Сергеевна сказала, что в ее дневниках целые страницы посвящены Шостаковичу, но, чтобы найти эти страницы и напечатать их, потребуется время, которого уже нет. «Надо помнить, что мне почти 94 года».

Она не успела, не закончила (до девяноста четырех ей не хватило одного дня жизни). Внучка частично восполнила незавершенность воспоминаний Мариэтты Сергеевны, разыскала в многочисленных дневниках писательницы за

1940—1975 годы страницы о Шостаковиче. Нашла в архиве и письмо Михаила Зощенко от 4 января 1941 года, где есть такие строки:

«Мариэтта! Это очень хорошо, что Вам так понравился Шостакович. Это — мудрый человек. И, конечно, очень чистый. Мне кажется, что он великий музыкант. И это казалось мне всегда и даже 15 лет назад...»

Через два года Мариэтта Шагинян запишет в дневнике:

«Самое яркое в Москве — это встреча с Шостаковичем. На этот раз у меня от него совсем особое впечатление, как от очень определенного, знающего чего и как он хочет, справедливого, честного, умного, удивительно сильного, просто непобедимо сильного, ребенка... с умом 40-летнего мужчины...»

НЕСКОЛЬКО лет назад Мариэтта Сергеевна дала мне просмотреть два своих дневника военной поры. И там я нашел (а потом с ее разрешения напечатал) такую запись: «...Музыка Шостаковича подтягивает, заставляет все внутри хорошо и определенно перестраиваться... выпускает отдохнувшим и готовым на продолжение жизни с новым запасом сил... Это деятельная музыка, и за это я ее страстно люблю!»

Помнится, тогда же она показала две нотные рукописные странички сонаты, подаренные ей Дмитрием Дмитриевичем с автографом: «Дорогой Мариэтте Сергеевне Шагинян в знак лучших чувств...». Я долго и безуспешно пытался «прочитать» в уме музыку, а Мариэтта Сергеевна смотрела на меня с какой-то загадочно-иронической улыбкой и потом сказала: «Эх, Константин Багратович, ни-че-го вы не понимаете».

Так и не уяснил я себе, что она имела в виду. И вот теперь, прочитав в дневнике № 23 (май 1943 г.) изумительный по тонкости проникновения в ру-

кописи композитора комментарий Мариэтты Сергеевны, понял, чего не понимал тогда: «Там в рукописи целое открытие для меня: разница почерков словесного и музыкального, первый — нервный и неустойчивый, второй — максимум здоровый, определенный, крепкий. Значит, для Шостаковича его нормальный язык — музыкальный, а стихия жизни — музыка». И дальше: «В его лице я близко вижу (впервые близко) интереснейшее земное существо — гения, то есть величайшую для человека степень одаренности и намагниченности. Очень это познавательно и интересно наблюдать... Благодаря судьбе за возможность общения с ним».

ТРИДЦАТЬ пять лет длилась большая, искренняя, глубокая дружба композитора и писательницы. Оба они дорожили этой дружбой. И хотя по характеру были совершенно различными людьми, их объединяла самая крепкая — мировоззренческая — общность. К своему труду — музыканта и литератора — оба относились с высочайшей гражданской и нравственной ответственностью.

Пылкий, философского склада ум Мариэтты Шагинян всегда рвался к познанию важнейших проблем жизни. И мне кажется, что именно в музыке Шостаковича, «сплетенной с содержанием нашей эпохи», проникнутой острым ощущением ее трагизма и оптимизма, писательница черпала многое для себя необходимое. А Дмитрий Шостакович ценил в Мариэтте Шагинян трогательную преданность музыке, проникновенную любовь к ней, веру в нее. И, конечно же, огромный талант и неумную творческую активность писательницы, ее открытость, ее бескомпромиссность.

«Не сердитесь на меня за мое плохое эпистолярное искусство», — писал Дмитрий Шостакович Мариэтте Шагинян. В этом шутовском признании — присущая композитору скромность. Он действительно считал, что не владеет искусством слова. Между тем в его письмах с предельной простотой и выразительностью, порой исповедально высказаны неожиданные суждения, взгляды, наблюдения. И это делает письма Шостаковича удивительно душевными и значительными.

«Сегодня я вернулся из Ленинграда», — писал он 16 февраля 1947 года, — и, перелистывая старые газеты, нашел Вашу статью обо мне в «Известиях». Даю Вам честное слово, что первый раз в жизни я решаюсь от всего сердца поблагодарить автора статьи или заметки обо мне. Я никогда этого не делал. Мне кажется, что так поступать не нужно. Можно благодарить за гостеприимство, за вкусное угощение, за помощь в делах и т. п., но за статьи, заметки, рецензии и т. п. благодарить нельзя... Так вот: я горячо благодарю Вас за Вашу статью обо мне в

«Известиях». Она доставила мне много радости...»

В письме от 18 сентября 1968 года:

«Мне кажется, что если автору не нравятся свои сочинения, то они никому не смогут понравиться... Я сейчас пишу скрипичную сонату. Когда я работаю, вернее, сочиняю, тогда мне живется лучше. Если я не сочиняю, то чувствую себя плохо».

Позже, 26 августа 1971 года, возвращается к той же теме:

«После окончания симфонии (имеется в виду Пятнадцатая симфония. — К. С.), над которой я работал денно и нощно, сейчас везде какая-то пустота...»

А вот как Шостакович понимал, что такое хороший человек. В письме от 4 марта 1967 года он писал:

«Я очень люблю творчество Паустовского. Наверное, он очень хороший человек, потому что так в его произведениях много настоящей глубокой любви к народу, к своей родине...»

В письмах Шостакович не раз просил Мариэтту Сергеевну прослушать его новые сочинения:

«Если у Вас будет возможность приехать в Москву на 14-ю симфонию, я буду ужасно этому рад» (27 ноября 1969 года).

«Если у Вас будет возможность, приходите 23-го декабря на мой концерт...» (28 ноября 1973 года)**.

Дмитрий Шостакович творил непрерывно. И Мариэтта Шагинян была неизменным и чутким его слушателем.

Но вернуться к дневникам Мариэтты Сергеевны и воспользоваться еще двумя короткими — сколь трагическими, столь и прекрасными — последними ее записями о Шостаковиче.

Из дневника № 60:

«9 августа 1975 года, суббота (Дубульты).

Не знала, не предчувствовала, только внутренняя тревога была и мучила меня на концерте... Не знала, не предчувствовала, что за час до начала концерта, в 7 часов вечера сегодня ушел из жизни дорогой мой друг, любимый композитор — Дмитрий Дмитриевич Шостакович».

«11 августа 1975 года, понедельник.

Утрата гения — тяжкий удар для всего человечества. Одно утешает — он уходит в бессмертие...»

ДВАДЦАТЬ четвертого марта 1982 года у гроба выдающейся писательницы в траурно-притихшем зале прозвучал рахманиновский «Вокализ». Потом Евгений Нестеренко исполнил из Четырнадцатой симфонии Шостаковича «О Дельвиг, Дельвиг!».

Звучали любимые сочинения Мариэтты Сергеевны, созданные ее великими друзьями. И символично, что свой долгий жизненный путь она завершила страницами, посвященными музыке.

** Полностью письма Дмитрия Шостаковича Мариэтте Шагинян и незавершенные воспоминания писательницы о композиторе будут опубликованы в этом году в журнале «Новый мир».

* «Черты гражданина». «Известия» от 7 февраля 1947 г.